

Н.Н. Запольская, О.В. Страхова

Забывтое имя: Петр Постников

(Из истории русской культуры конца XVII – начала XVIII веков)

В истории русской культуры и науки XVII в. встречаются еще немало несправедливо забытых имен. Среди них – Петр Постников, выпускник Славяно-Греко-Латинской Академии, первый русский врач, дипломат и переводчик.

Биографических данных о Петре Постникове сохранилось немного. Можно упомянуть две-три работы, посвященные ему, которые появились в самом конце XIX века.¹ В XX-м веке личность и судьба Петра Постникова практически не привлекали внимания исследователей.² Предлагая вниманию читателей его оригинальное произведение – *Слово на Рождество Христово*, – мы считаем необходимым подробнее рассказать о разносторонней деятельности Петра Постникова.

Петр Постников начал свое образование под руководством ученых монахов, братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, в Славяно-Греко-Латинской Академии. Основная цель "науки и учености" в Академии

¹ См., например, Шмурло 1894, Цветаев 1896, Вычков 1911.

² Справедливости ради заметим, что в 1992 г. в "Словаре книжников и книжности древней Руси. Писатели и поэты XVII в." (Труды Отдела древнерусской литературы, т. XLV, С.-Петербург, стр. 102-104) появилась статья о Петре Постникове, подписанная О.А.Белобровой. К сожалению, статья изобилует большим количеством неточностей, а то и просто ошибок.

состояла в подготовке образованных людей – “ученых справщиков для Книгопечатного двора, способных в точности исправить вкравшиеся в течение веков описки и ошибки церковных текстов, наконец, в вершине всего – ученых защитников православия” (Забелин 1886, 12). Подчеркивая серьезность постановки школьного обучения в Славяно-Греко-Латинской Академии, М.Н.Сменцовский (1899, 288) писал: “В краткое время своего учительства они [Лихуды – Н.З., О.С.] подготовили несколько вполне образованных воспитанников, каковы Николай Семенов (Головин), Фёдор Поликарпов, монах Козма, Феолог и Иов ... кроме поименованных, из учеников Лихудов достоин упоминания Петр Васильевич Постников, первый русский доктор медицины ... он был сын известного дьяка Посольского приказа (Василия Постникова), учился у Лихудов с 1685 по 1692 г.”

Известно, что братья Лихуды приступили к преподаванию 31 марта 1685 г. (Смирнов 1855, 24). Их самыми первыми по времени учениками стали старшие учащиеся “типографской” греческой школы (при Печатном Дворе), которой руководил иеромонах Тимофей Грек: Алексей Кириллов Барсов, Николай Симеонов Головин, Фёдор Поликарпов Орлов, Фёдор Аг(г)еев, Иосиф Афанасьев, Василий Артемиев и Фёдор Герасимов.³ Несколько позже к этой группе учеников присоединились иеромонах Иов и Палладий Рогов (Роговский), будущий ректор Славяно-

³ См. ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, № 188, лл. 341–342, ср. В.Л.Фонкич Греко-славянская школа при Московском Печатном Дворе в 80-х годах XVII века (в печати)

Греко-Латинской Академии.⁴ Среди самых первых учеников Лихудов мы не находим имени Петра Постникова, однако он без сомнения был одним из "старших" учеников, поскольку, начиная со времени официального открытия академии (1687 г.) его имя упоминалось наряду с именами учеников "первого призыва". Как видно из архивных ведомостей Академии, Петр Постников регулярно доказывал "остроту понимания" "похвальным успехом". Свидетельством его значительных достижений в школьном учении являлись "золотые награды", жалованные Петру Постникову патриархами на протяжении всех лет обучения как одному из лучших учащихся:

- "декабря в 28 день 7196 (= 1687 г.) приходили ко святѣйшему патриарху въ Крестовую полату школные учителя грекоіеромонахи Иоаникей да Софроней, которые учать учениковъ греческому учению въ школѣ, со учениками, и говорили святѣйшему патриарху ученики поздравлятельные рѣчи. И святѣйшіи патриархъ учителей грекоіеромонаховъ Иоаникія и Софронія пожаловаль денежною дачею, а ученикомъ ихъ святѣйшіи патриархъ пожаловаль: князь Алексѣю князь Борисову сыну Голицыну три золотыхъ, Тимовею да Петру Тимовеевымъ дѣтемъ Савеловымъ по два золотыхъ, Костянтину Литвинову, Ивану Мусину-

⁴ Как видим, Петра Постникова среди учеников Тимофея Грека нет. Тем ни менее, не вызывает никакого сомнения то обстоятельство, что Петр Постников был знаком с греческим языком до своего поступления в школу Лихудов, что и дало ему возможность занять одно из ведущих мест среди "старших" учеников. Это позволяет предположить о существовании системы "частного" обучения иностранным языкам в Московской Руси того времени.

Пушкину, Ивану Бухвостову, Петру Посникову, Никитѣ Семенову, Ѳедору Перевотчикову, Ивану Алексѣеву ... по одному золотому" (см.: Цветаев 1896, 41);

- 29 января 1687 г. патриарх Иоаким посетил школу и слушал "греческого грамматического учения и после слушанія пожаловалъ учителямъ Софронію и Иоаникію по 5 золотыхъ, да ученикамъ дѣтямъ боярина князь Юрья Михайловича Одоевского князь Михаилу да князь Юрью, да князь Петру, да кравчегу князь Бориса Алексеевича Голицына сыну князь Алексею да дьяка Василья Посникова сыну Петру – по золотому человѣку" (см.: Забелин 1887, 7; ср. Сменцовский 1899, 65);

- "Апрѣля въ 20 день (1688 г.) въ пятюкъ Свѣтлыя Недѣли послѣ литургіи приходилъ ко святѣйшему патріарху въ Крестовую полату Греческой школы учитель грекоіеромонахъ Софроней со учениками, и говорили святѣйшему патріарху ученики погреческу и пословенски поздравлятельные рѣчи. И святѣйшій патріархъ грекоіеромонаха Софронія пожаловалъ денежною дачею, а ученикомъ святѣйшій патріархъ пожаловалъ: Петру Васильеву сыну Посникову два золотыхъ, Никитѣ Андрееву сыну Семенову, Степану Апостолову, Алексѣю Максимову, Ивану Аванасьеву сыну Мусину-Пушкину, Алексѣю Корилкову, Николаю Семенову, Ѳедору Поликарпову ... по залотому человеку" (Цветаев 1896, 42);

- 27 декабря 1691 г.: старшие ученики "славили Христа греческимъ распѣвомъ, и предъ святѣйшимъ патріархомъ ученики говорили полатине и пословенску о Рождествѣ Христовѣ многіе рѣчи. И святѣйшій патріархъ пожаловалъ учителей денежною дачею, а ученикомъ

ихъ Петру Посникову три золотыхъ (Сменцовский упоминает "два золотыхъ" – 1899, 66), Николаю Семенову, Фёдору Поликарпову, Алексѣю Кирилову по золотому да по ефимку, Фёдоту Агѣеву, Фёдору Гарасимову, Карпу Федорову, Андрею Михайлову, Георгію Михайлову, Ивану Дмитріеву ... по ефимку челоуѣку" (ibid.);

– "В Пасху 1691 г. Петр Посников получил 3 золотых, остальные шесть человек по ефимку" (Сменцовский 1899, 66).⁵

Несомненной заслугой Лихудов явилась организация систематического изучения классических языков – греческого и латинского. Позже один из лучших учеников Лихудов, Фёдор Поликарпов, писал в своем "Лексиконе Трехязычном" (Московский Печатный Двор, 1704), что греческий язык следовало изучать "во утверждѣніе правыхъ Греческихъ догматъ", а латинский язык "паче иныхъ во гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ обносится" (цит. по: Строев 1829, 206).

В те годы, когда обучался Петр Постников, Славяно-Греко-Латинская Академия разделялась на подготовительный класс – "школу славенскаго книжнаго писания", или "низшую школу"; "школу греческаго книжнаго писания", или "среднюю школу", т.е. "школу греческой грамматики", и, наконец, "верхнюю школу", т.е. школу риторики (с 1688 г.), логики и физики (с 1690 г.). О разделении классов по уровням братья Лихуды писали в предисловии к "Сравнительной Греко-латинской Грамматике (ГВЛ, ф. 173, № 330, л.1): "Εἰς τρία μέρη ὑπὲρ τῶν τριῶν

⁵ Показательно, что высших наград Петр Постников удостоивался в тех случаях, когда ученики приветствовали патриарха "пословенску", "погреческу" и "полатинѣ" "орациями" своего сочинения.

τῶν μαθητῶν σχολῶν, εἴτε ταγμάτων σύμπασαι διανεμένηται αἱ παιδίαι αὐται, οὕτως ὅμως, ὥστε τὸ ἔσχατον τάγμα τῶν δύο ἀρχαρίων περιλαμβάνειν τάξεις, ὧν τὴν μὲν κατωτέραν, τὴν δὲ ἀνωτέραν ὀνομάζεσθαι, τὰ δὲ λοιπὰ δύο τάγματα ὁμοῦ μὲν β^{οῦ} εἴτε μέσον, ὁμοῦ δὲ α^{οῦ} εἴτε ὑπέρτατον ἐξ ἐκάστων μόνον συνίστασθαι τάξεων ("Все науки делятся на три части, по аналогии с тремя школами или классами; так, последний класс (*Infima*) включает две группы начинающих, одна из которых называется нижней (*Infima Inferior*), а другая – высшей (*Infima Superior*). Остальные два класса – второй, или средний (*Media*), и высший (*Suprema*) состоят из одной группы" – цит. по: Яламас 1992, 21). Риторикѹ, логикѹ и физикѹ Лихуды преподавали на греческом и латинском языках, грамматикѹ – на греческом. Поскольку до 1694 г. братья Лихуды были единственными учителями, в Академии практиковалась система обучения, при которой старшие ученики вели занятия с младшими. Руководствами для обучения служили учебные пособия, составленные самими учеными греками.

Среди сохранившихся списков учебных руководств на греческом языке, составленных Лихудами и переписанных их учениками, можно выделить ряд списков, объединенных одним типом почерка: рукопись ВАН, Q, № 5 (Вопросы и ответы на тему "Физики" Аристотеля), рукопись ВАН, Q, № 3 (лл. 71–100, лл. 39–68 – курс лекций по Риторике Софрония Лихуда); рукопись ВАН, № 16.6.11 (краткая грамматика греческого языка братьев Лихудов, греческий текст); рукопись ГПВ, Греческое собрание, № 152 (курс лекций по логике Софрония Лихуда; дата в тексте – 1690 г.). По мнению В.Л.Фонкича и И.Н.Лебедевой, тип почерка в данных

рукописях совпадает с почерком, которым написаны лл. 51–66 медицинской рукописи ВАН, Q, № 8 и рецепты, вложенные в эту рукопись (Лебедева 1973, 117). Анализ почерка и состава рукописей позволили предположить, что переписчиком лихудовских учебников был Петр Постников. Ср.: "Наличие в числе данных рукописей медицинского текста и листка с рецептом позволяет выдвинуть версию о том, что писцом мог быть Петр Васильевич Постников ... который еще в Москве начал заниматься медициной" (Трохачев 1988, 212).

Обучаясь "греко-латинскому книжному писанию" у учителей "греческих высоких наук", лучшие ученики Лихудов, по словам Федора Поликарпова, приобретали "талантець Славено-Греческихъ наукъ". Вскоре после организации систематического образования, старшие ученики Лихудов приступили к переводческой деятельности. Так, в 1687 г. Николай Головин, Алексей Барсов и Федор Поликарпов перевели "съ еллинского на славенскій діалектъ" известное полемическое сочинение своих учителей - "АКОΣ, или врачеваніе" (см.: ГИМ, Синод. 439 и 440, ГВЛ, ф. 310 (Ундольск.), № 482); в 1691–1692 гг. Федор Поликарпов перевел с греческого "Сечивце против латинян" Максима Пелопонесского (см.: ГИМ, Синод. 490; греческий текст был опубликован Иерусалимским патриархом Досифеем в Бухаресте в 1690 г.); в 1693 г. тот же Поликарпов перевел книгу Патриарха Нектария "О власти Папской" (см.: ГИМ, Синод. 528). В 1691 г. группа "старших" учеников Лихудов - Иосиф Афанасьев, Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и монах Иов - перевели на цслав. язык "Опровержение Калвинских глав" Мелетия Сирига и "Енхеридіон" патриарха Досифея

рукописях совпадает с почерком, которым написаны лл. 51–66 медицинской рукописи ВАН, Q, № 8 и рецепты, вложенные в эту рукопись (Лебедева 1973, 117). Анализ почерка и состава рукописей позволили предположить, что переписчиком лихудовских учебников был Петр Постников. Ср.: "Наличие в числе данных рукописей медицинского текста и листка с рецептом позволяет выдвинуть версию о том, что писцом мог быть Петр Васильевич Постников ... который еще в Москве начал заниматься медициной" (Трохачев 1988, 212).

Обучаясь "греко-латинскому книжному писанию" у учителей "греческих высоких наук", лучшие ученики Лихудов, по словам Федора Поликарпова, приобретали "талантець Славено-Греческихъ наукъ". Вскоре после организации систематического образования, старшие ученики Лихудов приступили к переводческой деятельности. Так, в 1687 г. Николай Головин, Алексей Барсов и Федор Поликарпов перевели "съ еллинского на славенскій дїалектъ" известное полемическое сочинение своих учителей – "АКОΣ, или врачеванїе" (см.: ГИМ, Синод. 439 и 440, ГВЛ, ф. 310 (Ундольск.), № 482); в 1691–1692 гг. Федор Поликарпов перевел с греческого "Сечивце против латинян" Максима Пелопонесского (см.: ГИМ, Синод. 490; греческий текст был опубликован Иерусалимским патриархом Досифеем в Бухаресте в 1690 г.); в 1693 г. тот же Поликарпов перевел книгу Патриарха Нектария "О власти Папской" (см.: ГИМ, Синод. 528). В 1691 г. группа "старших" учеников Лихудов – Иосиф Афанасьев, Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и монах Иов – перевели на цслав. язык "Опровержение Калвинских глав" Мелетия Сирига и "Енхеридион" патриарха Досифея

(см.: ГИМ, Синод. 158; греческий оригинал первого из двух текстов был опубликован в Бухаресте в 1690 г., о чем сообщалось на лл. 11–14об. цслав. перевода; Енжиридион был написан в 1672 г. как опровержение тех же кальвинистских воззрений (Кальвинских Глав), создание которых молва приписывала Кириллу Лукарису). Представляется странным, что среди учеников, занимавшихся переводами, имя Петра Постникова никогда не упоминалось, в то время как он на протяжении всех лет обучения считался учеником "первой статьи". Обращение к упомянутой выше рукописи ГИМ, Синод. №158 помогает заполнить этот пробел. Палеографический анализ рукописи позволяет предположить, что перевод текста осуществлялся "потетрадно", иначе говоря, должен рассматриваться как своеобразное "домашнее задание", предложенное Лихудами для своих лучших учеников. Имена переводчиков проставлены внизу 1-го листа каждой тетради в виде криптонимов: тетради 2–9 (лл. 10–45) помечены **іѡс** (т.е. **Іѡсифъ Афанасьевъ**); тетради 17–23, 48–49, 55 (лл. 85–143, 324–339, 379–386) помечены **А.К.** (т.е. **Алѣксѣи Кирилловъ Барсовъ**); тетради 24–30 (лл. 144–199) помечены **Н.С.** (т.е. **Николаи Семеновъ Головинъ**); тетради 31–37, 46–47, 50–54 (лл. 200–248, 308–323, 340–378) помечены **Ф.П.** (т.е. **Федоръ Полукарповъ**), тетради 56–57 (лл. 387–397) помечены **іѡв** (т.е. монах **Іѡвъ**). Тетради 10–16 (лл. 46–84) помечены **П.П.** Горский и Невоструев, первыми обратившие внимание на эту рукопись, замечали: "кто скрывается за этими инициалами – неизвестно" (Горский, Невоструев II(3), 489). Учитывая приведенные нами факты, можно с уверенностью предположить,

что переводчик, скрывавшийся под криптонимом П.П., был не кто иной, как Петр Постников.

В петровскую эпоху "российское просвещение" активно принимало в себя элементы "европейской образованности". Основным способом приобщения европейской науке была посылка русских дворян для обучения за границу. Постников не был исключением. Еще в Москве под руководством доктора Пелярино, родственника Лихудов (?), Петр Постников приобрел начальные сведения из области медицины (о взаимоотношениях Пелярино и Постникова см., например: Куприянов 1872, 3-5). Весной 1692 г. в сопровождении доктора Пелярино Петр Постников по "царскому изволению" был отправлен в Италию в Падуанский университет, где в свое время прошли курс "свободных наук" сами Лихуды. Среди документов Посольского Приказа сохранился указ о направлении Петра Постникова в Венецию, а также отписка смоленского воеводы И.Головина об отпуске Постникова из Смоленска за "литовский рубеж": "... отпущень с Москвы в Венецию для совершениѣя свободныхъ наукъ в Падвинскую академію ... Петръ Посниковъ для волного его тамо проѣзду дана ему проѣзжая грамота за государственною болшою печатью, в которой онъ Петръ Посниковъ написанъ урожденнымъ дворяниномъ" (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 243); "... отпущень онъ [Постников] съ Москвы въ Венецію для науки въ одно время з докторомъ съ Яковомъ Пелярїемъ" (цит. по: Цветаев 1896, 44).

Материалы Падуанского архива упоминают имя Петра Постникова среди поступивших и окончивших курс "свободных наук". Запись

университетской канцелярии от 22 сентября 1692 г. гласит, что Петр Постников в первый год своего обучения жил на квартире университетского профессора канонического права, известного в то время ученого грекокатолика Николая Пападополи (*Nicolaus Comnene Papadopoli*).⁶ Судя по всему, Петр Постников прошел полный курс Падуанского университета, овладев помимо медицинских знаний, двумя новыми европейскими языками – французским и итальянским. Из сочинений Постникова к “падуанскому периоду” можно отнести только диссертацию, написанную им при производстве в “докторское звание”. После двухгодичного обучения, 2 августа 1694 г., он был признан доктором медицины и философии, а в мае 1695 г. получил диплом, свидетельствующий о том, что Петр Постников “по крайнему учителска верху во философии и врачествѣ достиже”, проявив себя в своем искусстве “тако изряднѣ, мудрѣ, учителнѣ, похвалнѣ, изящнѣ ... таковую зрѣлость остроумія, толикую же показа силу памяти поученія словесности (краснословія) и прочіихъ вещей, яже въ совершеннѣйшемъ философѣ и врачу искатися обыкують, яко великое самага себѣ ожиданіе, еже у всѣхъ уже мало прежде праведно совоздвиже, не токмо подъяль, но еще далнѣйши превзошелъ бяше” (цит. по: Цветаев 1896,

⁶Е. Шмурло (1894, 79) замечал о Пападополи, что он “был грек по рождению, единомышленник Пелярино, во всяком случае, не враг православия: он постоянно проводил мысль о большом сходстве в вероучении и обрядах обеих христианских церквей, с этой целью он издал в 1697 г. рассуждение “*De differentio graecorum et latinorum episcoporum praenotationes mystagogicae ex jure canonico*”, в котором старался показать несущественность различий между двумя вероисповеданиями”.

57). Полученный университетский диплом предоставлял Петру Постникову право преподавать философию, медицину и иностранные языки, а также удостоивать уже своих учеников учеными степенями: "предати свободну власть, да во грядущее время свободнѣ и полнѣ, народнѣ и уединеннѣ во всѣхъ философскихъ и врачейскихъ ученїяхъ читати, возысковати, совѣтовати, разглаголствовати, взысканїя опредѣляти ... явно учити, съ языка на языкъ толковати, преводити и обращати" (*ibid.*).⁷ Несомненные способности Постникова были, судя по всему, замечены и оценены по достоинству. Так, в ноябре 1694 г. Петр Постников был избран ассесором в университетскую администрацию, заведовавшую делами *Artistarum* (богословием и медициной).

Однако учеба в Падуе преследовала не только образовательные, но и дипломатические цели. Будучи в Венеции, Петр Постников регулярно сообщал в письмах к Петру I "нѣкоторые новины, которые обносятся здѣ въ Венеціи о войнахъ" (цит. по: Бычков 1911, 44). Сохранившиеся письма Петра Постникова, адресованные Петру I, позволяют проследить дальнейший маршрут "доктора, философіи и врачества учителя". Стремясь к совершенствованию знаний, он отправился в Париж ("потрудився ... отъѣзжаю изъ Венеціи во Францію" -

⁷ Привезенный из Италии диплом Постникова был переведен в 1701 г. с латинского языка на русский Николаем Спафарием, перевод сохранился в ЦГАДА, в архиве МГАМИД и был опубликован дважды: в 1815 г. в книге Б.Рихтера "История медицины в России" (Москва, т. 2, стр. 321-323, прибавления, стр. 143-152) и в 1896 г. (см.: Цветаев 1896, приложение IV, 54-60). Латинский оригинал диплома, находившийся первоначально в Аптекарском Приказе, в XIX в. затерялся.

ibid.), а затем в Брюссель, где слушал лекции по медицине и философии, одновременно оповещая Петра I о политических "новинах". С 1697 г. медицинская деятельность Петра Постникова тесно переплелась с дипломатической.

Продолжая борьбу с Турцией, Петр I направил за границу в 1697 г. русскую дипломатическую миссию – "Великое посольство" – для организации широкой антитурецкой коалиции. В состав "Великого посольства" входило 250 человек во главе с тремя "великими послами" – Ф.Леффортом, Ф.Головиным и П.Возницыным. Фактическим главой "Великого посольства" был Петр I, входивший в него под именем Петра Михайлова. С "секретной целью" в Венецию были посланы дворяне-волонтеры, которые должны были "во Европе присмотреться к новым воинским искусствам и поведением" (Ключевский 1958, 22, 372). Что касается Петра Постникова, то он исполнял при "Великом посольстве" одновременно две функции, являясь переводчиком и "закупщиком лекарственных снадобий".

При посольстве состояли три переводчика и три толмача: переводчики – Григорий Островский "для толмачества италіанскаго и латїнскаго и полскаго языковъ, потому что онъ тѣхъ языковъ писать и говорить умѣеть", Петр Вульф и Петр Шафиров "для переводовъ латинскаго, нѣмецкаго и галланскаго языковъ"; толмачи – Иван Крапоткин, Алексей Змеев и Андрей Гемс (Шмурло 1894, 97). Однако особая необходимость была в переводчике и толмаче, "доставрнѣйше" владевшем греческим и французским языками. Таким "доставрнѣйшим" переводчикомъ для российскихъ пословъ" и явился Петр Постников. В

1698 г. Петр Постников был назначен секретарем при П.Возницыне, который являлся уполномоченным на антитурецком конгрессе. О том, насколько значима была новая роль Петра Постникова, свидетельствуют письма П.Возницына к Петру Постникову и ко второму послу Ф.Головину. Переписка была вызвана нежеланием Петра Постникова возвращаться в Вену из Венеции, где он находился с другими волонтерами: – из письма П.Возницына П.Постникову (май 1698 г.): "И нынѣ я тебѣ по прежнему его великаго государя указу поновляю, чтобъ ты изъ Венеции ѣхалъ сюда въ Вѣну безо всякаго замедления, а есть ли ты умедлишь и вскорѣ не будешь ... опасися государева гнѣву, потому что тебѣ велѣно быть со мною на турецкой комиссии, и безъ тебя быть нельзя и дѣла дѣлати будетъ нѣкъмъ, и турецкой посоль другой, греченинъ Маврокордаты, того ради ты къ тому дѣлу присовокуплень, что сверхъ иного можешь съ нимъ говорить поеллинску и поиталіанску и пофранцузску и полатинѣ, а онъ тѣ всѣ языки знаетъ" (цит. по: Шмурло 1894, 105); из письма П.Возницына Ф.Головину (август 1698 г.): ... а Посникову совершенно надобно быть со мною на комиссії, потому что посоль гречанинъ и черезъ него можно достаточно говорить и писать" (ibid.).

Спустя некоторое время Петр Постников ответил П.Возницыну, что он отказывается в настоящее время ехать в Вену, а намерен отправиться в Неаполь, чтобы "живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить". Отказ Петра Постникова вызвал гнев и ярость Возницына, который писал: "... живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить – сіе дѣло не гораздо намъ нужно. Отечески тебя наказую, если ты умедлишь и меня въ Вѣнѣ не застанешь, или тамъ гдѣ я буду во время не будешь,

вѣдай себѣ подлинно, что велій гнѣвъ его царскаго величества, государя нашего милостиваго, прїимешь. А болше сего я къ тебѣ, яко къ презирателю, писать не буду, а опишу туда, гдѣ будетъ тебѣ не къ ползѣ, и есть ли что приключится, тогда не имѣй на меня слова" (*ibid.*, 106-107).

После настоятельных просьб и откровенных угроз Постников все же прибыл на конгресс, созванный в октябре 1698 г. в местечке Карловцы (Славония), который завершился подписанием ряда договоров между "Священной лигой" (Россией, Австрией, Венецией и Польшей) и Турцией. В день заключения перемирия, в знак особого расположения, он получил право следовать в парадной карете русских послов.

По заключении перемирия Петр Постников подал прошение о направлении его в Амстердам, о чем П.Возницын немедленно сообщил Петру I: "... говорить, государь, мнѣ дохтурь Петръ Посниковъ, чтобъ я челобитье его донесъ къ тебѣ, великому государю: нужда-де ему быть въ Амстердамѣ для исправления къ художеству его нѣкакихъ инструментовъ, и чтобъ ево изъ Вѣны туда отпустить, и дать ему твоего государева жалованья" (цит. по: Шмурло 1894, 109). Получив разрешение, Петр Постников отправился в Амстердам, затем в Лондон и только в начале 1701 г. возвратился на родину. Указ об определении Петра Постникова на службу гласил: "... отослать ево въ Аптекарской приказъ съ памятью и для вѣдома о докторскомъ его изученїи ... а въ Посолскомъ приказѣ какъ случатца латїнскїе, французскїе, италїанскїе нужные письма, и тѣ письма переводить ему жъ, Петру" (цит. по: Цветаев 1896, 60). Летом 1701 г. по "государеву изволению" Петр Постников

сопровождает в качестве врача и чиновника дипломатической канцелярии Петра I в его поездке в "северо-западные земли" России. О пребывании Постникова при особе царя свидетельствует официальная дипломатическая переписка того времени. Так, в частности, Петр I отправил 18 июля 1701 г. из Новгорода, а 2 августа из Пскова два письма Августу II, королю Речи Посполитой, написанные на французском языке. Если учесть, что свою переписку с Августом Петр обыкновенно вел по-русски, появление двух этих писем следует объяснять присутствием Постникова в свите царя. Ф. Головин, докладывая 9 июля Петру I о текущих делах и, в частности, о письме Августа II, заметил: ... к королю есть ли изволишь и самъ что съ сею почтою зѣло бѣ хорошо. А Постниковъ у милости твоей, и пофранцузски еще и приятнѣе" (цит. по: Шмурло 1894, 112).

В конце 1701 г. Петр I послал Постникова во Францию "неофициальным дипломатом" "для сообщения о тамошних поведених". Летом 1702 г. Петр Постников на короткое время возвратился в Россию, но в марте 1703 г. снова отбыл во Францию. В 1704-1705 гг. он жил в Голландии, а затем снова вернулся в Париж. В положении неофициального дипломатического агента, без точно выработанной программы Петр Постников представлял довольно странную фигуру среди дипломатов Версальского двора. Лишь в начале 1710 г. русское правительство решило назначить при французском дворе официального посла и даже наметило на этот пост Петра Постникова, но по неизвестной причине Постников в том же году навсегда вернулся в Россию. Дальнейшая судьба Постникова была связана с Посольским Приказом.

Просветительская реформа Петра I, как замечал П.П. Пекарский (1862, 479), "состояла не только в введении западной образованности, которая сумела проникать в Россию и до него, но и в принятии решительных мер к распространению ее". Одной из таких мер явилось интенсивное знакомство с западноевропейской литературой. Через должностных лиц, ездивших за границу с разного рода поручениями, для государственных учреждений и частных библиотек заказывалась научная и художественная литература на западноевропейских языках. Поскольку именно петровская эпоха положила начало русско-французским научным и культурным связям, казенные библиотеки и частные книжные собрания начали активно пополняться изданиями на французском языке.

Сохранились свидетельства, согласно которым одной из обязанностей Постникова была доставка из-за рубежа книг в библиотеку Аптекарского и Посольского приказов. Так, в частности, в 1702 г. Петр Постников привез 36 книг, а в 1710 г. 17 книг разнообразного содержания, преимущественно о "нравах и уложениях окрестных государств". Именно о библиотеке, привезенной Постниковым в 1710 г., шла речь в письме канцлера Г. Головкина к дьякам Посольского приказа от 18 декабря 1710 г.: "Которые книги по указу великаго Государя купил во Франции и Голландии доктор Петр Постников и привез к Москве о нравах и уложениях окрестных государств ... прислать с подьячим, а ежели которые ис тех книг взяты в аптеку для собрания библиотеки те оттуду взять и прислать в Петербург, и по тому вышеписанному писму в государственном посольском приказе сыскано и переводчиками освиде-

тельствовано книг, а именно: на французском языке: "О чинах французских" [Paris 1638], "Собрание судов учиненных в парижском парламенте" [Anvers 1665], "Великая наука артиллерийская", "О парламентах французских", "О материях церковных", "О приказных делах французских", "О тостаментях...", "Водописание обдержажще теорию и практику всех частей навигации" [Fournier G. Hydrographie, contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation. Paris 1679, 1°], "Жизнь мейстера Каролуса Дюмолина адвоката в парламенте" [Brodeau J. La Vie de maistre Charles Du Molin, advocat en parlement; по-видимому отдельные листы из книги: Molinaei C. Omnia quae extant opera. Paris 1681, vol. 1 (стр. 1-60 второй пагин.)], "Маршал от баталии", "Наука кораблями плавать" [Milleiet de Chales C.-F. L'Art de naviger. Paris 1677, 4°], "Новый штиль писем каковы употребляют во французских канцеляриях" [Paris 1646], "Универсальная наука фортификацей Французских, Галанских, Гишпанских, Талканских и компанованных с наукою како атаковати укрепленные места незапно и силою и како оборонть места от внезапностей и от силы" [Du Breuil J. L'Art universel des fortifications françoises, hollandoises, espagnoles, italiennes et composées. Paris 1674, 4°], "Суд воинской" [Paris 1672], "О похоронах по воинскому обыкновению", "Деяния покойного господина Гисламейстера кавалера и первого президента во дворе Парижского парламента" [Les Oeuvres de feu messire Gilles Le Maistre. Bruxelles, 1662, 8°] (ср.: Токмаков 1885, 3-5; Хотеев 1986, 5-6). Приведенный перечень доставленных Петром Постников книг весьма примечателен: их тематика отражает как общий дух петровского времени, так и личные читательские интересы Постникова.

Занятия переводами требовали от переводчиков петровского времени не только хорошего знания иностранных языков, но и хорошей подготовки в области естественных и гуманитарных наук. О трудностях, с которыми сталкивались переводчики, явственно свидетельствуют их собственные записи. Так, переводчик книги "Изречения и указы королей французских" (1704 г.) писал: "... той книги, неучась юрись-пруденции, переводить дѣлы невозможно, для того, что термины и рѣчи въ юрись-пруденции особые" (цит. по: Цветаев 1896, 36-37). Работая над переводами, переводчики петровского времени сталкивались с проблемой выработки стиля, с проблемой поиска лексико-семантических и морфолого-синтаксических эквивалентов, что было особенно актуально для переводов с западноевропейских языков. Так, Симон Кохановский, охарактеризовав стиль Юста Липсия, заключил предисловие словами: "Я въ переводѣ семъ не поработченъ былъ помянутого автора штилю, но едино служилъ истинне, чтобъ ниже мало была измѣнна сила и истина истории. Того ради сѣя предвозвѣщаю в преддверіи послѣдующихъ повѣстей, дабы кому не дивно было, что не слово въ слово переведены, но смотриль бы, что самая истинная сила истории не измѣнна есть" (ГПБ, F.I. 48, л. 1 об.); А.Ф.Хрущев признавался: "Переводя искалъ какъ возможно, чтобъ войтить во авторово мнѣніе и чтобъ ему слѣдовать повсюду, не смотря на слова и рѣчи французского языка, но толко смотрѣлъ какъ перевестъ наивѣрнѣе, иностранныхъ словъ никакихъ не писалъ, чтобъ вразумителнѣе было нашему языку и надеясь, что не толко ученые люди могут разумѣть безъ труда, потому что переводилъ я не от слова в слово, чтобъ была французская книга на русскомъ языкѣ, но

изъяснить всякое авторово мнѣніе простыми словами (ГПБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, 1.11).⁸ С возвращением Петра Постникова в Россию в Посольском Приказе появился новый универсальный переводчик, имевший солидную подготовку во многих науках.

Точно известно, что в 1712 г. Петр Постников по заказу Посольского Приказа перевел с французского на русский язык часть книги Абрахама де Викоффа "Посоль и его дѣла..." ("L'ambassadeur et ses fonctions par monsieur de Wiegueforf). На рукописи, содержащей перевод первых страниц сочинения Викоффа, стоит следующая помета: "Переводъ съ книги французской доктора Петра Посникова "О послѣхъ и министрахъ чюжестранныхъ и о должности дѣль ихъ, и что есть посоль, и честь ево", прислана ись Петербурга іюня во 12 прошлого 1712 году и отдана та

⁸ Любопытно заметить, что переводчики предпетровской поры, в первую очередь, те, кто занимались переводами с греческого языка, т.е. справщики Московского Печатного Двора, стояли на прямо противоположных позициях. Так, справщик Евфимий Чудовский замечал, что "подобаетъ истинно преводити ... отъ слова до слова, ничто разума и рѣченій ... премѣняя ... подражая въ томъ ... преводниковъ, хранящихъ истинно разумъ и рѣченія не премѣняющихъ" (ГИМ, Синод. 396, л. 68); ср. еще: "И подобаетъ истинно и право преводити отъ слова до слова ничто разума и рѣченій премѣняя" (ibid., л. 74). Примечательно, что в 1709 г. Петр I рекомендовал: "Не надлежитъ рѣчь от рѣчи хранить въ переводѣхъ, но точію сенсъ выразумѣвъ, на свой язык уже такъ писать, как внятнѣ можетъ быть." Переводческая позиция сотоварища и соученика Петра Постникова - Федора Поликарпова, воплощенная им в процессе работы на "Географіей Генеральной" Вернгарда Варения (перевод, кстати, Петру I не понравившийся), в этом контексте может быть расценена как компромисс между традиционным принципом "пословного перевода" и переводческими идеями Петра I. Ср. в Предисловии к "Географіи Генеральной" (Санктпетербург 1718, стр. 4): "Моя должность объявити, яко преводихъ сію книгу ... охраняя сенсъ и рѣчи оригинала иноязычного".

книга переводить ему ись приказу того же числа. Подаль он, Петръ, сїю тетрадь генваря 3 дня нынешняго 1713 года" (МГАМИД. Сношения с Францией. Дело 1713 г., № 3, 24 л., 4°).

С некоторыми сомнениями Петру Постникову приписывается перевод книги "Alcoran de Mahomet, translaté de l'arabe en françois par le sieur du Ryer", опубликованной в 1716 г. без указания имени переводчика: "Алкоранъ о Магометѣ или законъ турецкїи. Переведенный съ французского языка на россїискїи. Напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санкт-пїтеръбургской тїпографїи, 1716 году". По сообщению П. Пекарского (II, 370), рукопись перевода хранилась в составе фонда рукописей МГАМИД: "... в московском архиве министерства иностранных дел (№ 148) есть рукописный перевод Алкорана, и там на последнем листе находим указание: переводиль сїю книгу Петръ Посниковъ". ... Что касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков, заметна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из заглавия. "Alcoran de Mahomet" вышел в русском переводе "Алкоран о Магомете", следовательно частица *de* принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог *de*". На основании этого Пекарский предполагал, что "книгу переводил младший брат, а не старший" (*ibid*).⁹

⁹ При этом Пекарский (I, 248) не отождествлял Петра Постникова-переводчика и Петра Постникова-врача.

Действительно, у Петра Постникова был младший брат, носивший то же имя. Бесспорным доказательством этого является письмо Василия Постникова, отца Петра Постникова, к Петру I от 8 ноября 1702 г. с просьбой о разрешении продолжить обучение младшего сына по примеру старшего за границей: "... понуждены просити, во еже бы ваше величествіе для крайнѣйшого Божіа челоуѣколюбія і ради Пречистыя Его Богоматере для своего государства многолѣтного здравія изволить *второрожденного моего сына Петра* (курсив наш – Н.З., О.С.), в царствующемъ велицѣмъ вашемъ градѣ Москвѣ латїнского і французского языковъ во училищи ¹⁰ нѣскольکو лѣтъ будучего, во Европскіе государства ради свободныхъ наукъ оконченія отпустить і противо протчихъ отпусковъ ево братіі і свидѣтелствованную о проѣздѣ свою государеву грамоту, такъ же і на пропитаніе ево отъ своей государевой казны по своему государеву милосердому осмотренію дать повелите ... А когда ваше величествіе *перворожденного моего сына Петра* (курсив наш – Н.З., О.С.) во Италію въ Потавскую академію для такихъ же наукъ отпустить ізволилъ, і тогда премногая ваша монаршеская милость оному учинена..." (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 242–243). Покорнейшая просьба Василия Постникова возымела свое действие. 12 января 1703 г., по указу Петра I, "велѣно ... другоу сына иво Петра Посникова отпустить с Москвы во Францію во Европскіе государства для совершенія свободного ученія немецкого, латинского

¹⁰ Петр Постников-младший учился в немецкой школе, вероятно у Швинера, с 1701 по 1703 гг. (ср.: Белокуров, Зерцалов 1907).

и французского языковъ" (ibid.). В свою очередь, Петр Постников старший в письме к Ф.Головину от 7 марта 1703 г. писал: "Благостію Вышнего Предвидѣнія ... прїѣхалъ я и съ братомъ моимъ во преславный Парижъ", далее следует подпись – "вашъ нижайшій, покорнѣйшій ... рабъ Петръ Постниковъ перворожденный" (цит. по: Шмурло 1894, 89). Когда в 1710 г. старший Петр Постников внезапно возвратился в Россию, младший еще был за границей. Лишь в 1712 г. младший Петр Постников в числе других учеников, обучавшихся в "окрестных государствах", возвратился на родину. Как видно из приведенных материалов оба брата Постникова получили солидное для тех лет образование, которое предполагало, в первую очередь, превосходное знание новых западно-европейских языков, во всяком случае, их трудно заподозрить в плохом владении французским языком. Именно поэтому настораживает упрек в "неловкости" перевода, высказанный П.Пекарским при характеристике рукописи "Алкоран о Магомете". Обращение к рукописям показало, что в реальности существуют два списка, содержащие два разных перевода французской книги. Одна из них, находящаяся в составе фонда МГАМИД под № 148, действительно имеет запись на л. 780, в которой Петр Постников упоминается как переводчик. Однако название рукописи не соответствует тому, что приводил П.Пекарский и представляет собой правильный перевод с французского: **"Алкоранъ или законъ магомстанскїи"**. Рукопись же, озаглавленная "Алкоранъ о Магометѣ" находится в фонде Московской Синодальной типографіи (ЦГАДА, ф. 381, № 1034) и представляет собой кавычный, т.е. правленный, экземпляр перевода, опубликованного в 1716 г. В этой рукописи нет никаких

указаний на то, что перевод был сделан Петром Постниковым. Тексты перевода, представленные в рукописях, значительно отличаются друг от друга. Об этом можно судить по небольшому фрагменту из предисловия "Къ читателю". В "кавычном" экземпляре рукописи предисловие не сохранилось, но оно вошло в печатный текст, набравшийся по этой, правленной, рукописи. Ср. французский текст Предисловия, цитируемый по изданию 1649 г., которое легло в основу переводов, и сами переводы:

L'Alcoran de Mahomet... ", à Paris, Chez Antoine de Sommaville, MDCXLIX, Av Lectevr, pp. 1-2.

Ce Liure est vne longue conference de Dieu, des Anges, & de Mahomet, que ce faux Prophete a inuenté assez grossierement; tantoft il introduit Dieu quiluy parle & luy enseigne sa loy, apres vn Ange, puis le Prophetes, & fouuent il fait parler Dieu en pluriel par vn stile qui n'est pas ordinaire; Il declame contre ceux qui adorent les Idoles, particulièrement contre le habitans de la Ville de la Meque, & contre Coreis qui estoient ses ennemis à son éuenement. Il a intitulé ce Liure ALCORAN, comme qui diroit le Recueil des Preceptes; Il l'appelle auffi EL FORCAN, c'est à dire, qui destingue le bien d'avec le mal.

Печатный вариант Предисловия, стр. 1-2:

Сїя книга разумѣется отъ турковъ, Вожїи со Ангелами и съ Магометомъ долгїи совѣтъ, его же сеи лживыи пророкъ вымыслилъ весьма просто, ибо въ разныхъ мѣстахъ сеи книги проїзводятъ яко бы Богъ съ нимъ говорилъ и показывалъ ему свой законъ. А потомъ яко бы Ангели и пророцы: чемъ чрезвычайнѣе не правое учреждаютъ реченїе. По томъ вопїеть противу їдолопоклонниковъ, а особлїво протїву жителей Мекки, и

кореалевъ, которые были въ тѣ времена ему непріатели. И нарече сію книгу Алкоранъ, то есть собраніе закона, а индѣ именуеть Елкоранъ, то есть различеніе добра отъ зла."

Рукопись из собрания МГАМВД, лл. 2-2 об.:

Сіа книга есть долгиі разговоръ ѿ Бозѣ, о аггелахъ, и ѿ магометѣ которыми оныи аживыи пророкъ велии грѣбо вымыслилъ, овогда предводитъ Бога емѣ глаголющаго, и ѿнагѣ наѣчаетъ свои законы, овогда аггела, иногда прроковъ, и многажды повелѣваетъ богѣ глаголати многочисленно чрезвычайное согласіе і ѣличаетъ ѿныхъ которыи идоломъ покланяютса, ѿсобливо жителен града мекъ и противо корѣлъ которыи въ его пришествіе емѣ непріателны иѣвлалиса. возглавіе сєи книги написалъ алкоранъ, сирѣчъ собраніе заповѣден, такожде называетъ елѿоріанъ сирѣчъ которыи раздѣлалъ добрыа дѣла зъ злыми.

Таким образом, существовало два перевода французской книги: один – более "русифицированный" и другой – более "церковнославянизированный". Один из них был напечатан, другой остался в рукописи и, как следует из записи на л. 1 "1726 гѣ году ѿ хрѣтова рождѣтва мѣца генвара в' 10 ден' переплетѣ в' кнѣгѣ". П.Пекарский, говоря о переводе "Алкорана", смешивает рукописи, представляя два разных текста, находящихся в разных фондах, как один. Вопрос о том, кому из братьев Постниковых принадлежит один из переводов "Алкорана", требует дальнейшего изучения.

Пока не удалось обнаружить каких-либо новых сведений о последних годах жизни Петра Постникова. Мы можем лишь констати-

ровать вслед за Е.Шмурло, что всякий дальнейший след Постникова бесследно затерян: "поневоле и мы должны здесь остановиться, предоставив другому, более счастливому перу, начертать полную биографию этого деятеля Петровской эпохи ... отпечатавшего на себе несколько характерных и любопытных черт своего времени и с этой стороны имеющего право на внимание историка" (Шмурло 1894, 147).

* * *

Никогда не публиковавшееся "Слово на Рождество" Петра Постникова представляет собой подносной экземпляр с подписью-автографом в конце Слова. Относительно времени создания "Слова", следует предположить, что оно было прочитано Петром Постниковым на Рождество 1687 г., а именно - 28 декабря, когда ученики Лихудов выступали перед патриархом с "поздравлятельными речами".

Вообще, церемония поздравления патриарха, который являлся официальным покровителем школы, на Рождество и Пасху ко времени появления Лихудов уже была своеобразной традицией: ученики Типографской школы также ходили поздравлять патриарха по праздникам и получали жалование (см.: Фонкич, в печати). И.Е.Забелин в своей "Истории города Москвы" (1905, 562) писал: "В Рождественский праздник, по старому обычаю, после утрени и литургии к патриарху приходили славильщики славить Христа - "Христос рождается, славите", и святейший раздавал им обычные дачи, неособенно, впрочем, значительные. (...) Славленные дачи в течении лет увеличивались постепенно и под конец дошли до суммы во 106 р. по тому обстоятельству, что с устройством школ, при Иоакиме и Адриане, к ним стали приходиться

славить школьные учителя и ученики. (...) Школьники ... приходили не только славить, но и являть плоды своего школьного учения, т.е. произносить пред патриархом рацеи или орации, праздничные речи, отчего и прозывали их рацельщиками. Сколько нам известно, постоянное говорение перед патриархом таких речей завелось со времени патриарха Иоакима. В 1676 году, на другой день праздника, 26 декабря, после литургии, в Крестовой полате пред св. патриархом говорили речь праздничную с поздравлением бывший архимандрит Пахомий слепой, который жил в Чудове монастыре в больнице. Святейший пожаловал ему полтину, да старцу, который его водит, дана гривна". Расходные книги содержат записи сумм, пожалованных ученикам и дидаскалам со времени основания Академии в 1685 году до Рождества 1691 года. Эти посещения патриарха совершались ежегодно, за исключением Пасхи 1690 года, когда из-за недавней смерти патриарха Иоакима визитов, естественно, не было, вплоть до 1691 года, после которого нет никаких свидетельств о подобных посещениях. Таким образом, 28 декабря 1687 г. представляется одной из возможных дат создания текста.

Указанная дата находит дополнительное, хотя и смутное, подтверждение в самом тексте "Слова". Так, упоминание о "пятилетнем молчании училищ" предоставляет весьма ограниченный выбор между двумя датами: 1690 г., если считать, что точкой отсчета является время создания школы Лихудов (март 1685 г.), или 1687 г., если считать, что точкой отсчета является создание Типографской школы Тимофея Грека (1682 г.). Поскольку у нас нет никаких свидетельств о том, что

Постников принимал участие в рождественском славении 1690 года, последняя дата выглядит наиболее убедительной.

Слово демонстрирует знакомство автора с правилами риторики: оно содержит упоминание имен Пифагора и "Метафизики" Аристотеля. При этом любопытно, что, работая над Словом, Постников пользовался не только таким источником, как Св.Писание (ср. аллюзии и прямые цитаты из 2 Цар. 6:12–17; Пс. 17:11, 67:3, 103:3; Мф. 2:2; Мф. 2:11; Лк. 2:10–12; 14), но и каким-то неизвестным нам латинским источником. Так, упоминание **ω крѣзь зємномь** восходит, очевидно, к лат. *orbe terrarum*; фраза **ѣкω Аристѡтель философъ глєть в' четвертом' ѣгω метафизическихъ во главѣ ѣ** может быть реконструирована как лат.: *in quatro eius Metaphysicorum in cap. 8*; а муж. род цслав. числительного может быть объяснен муж. родом согласованного лат. сущ. *liber, libri*.

В литературном отношении Слово представляет собой попытку использования художественных средств византийского и цслав. акафиста, с его тенденцией к аккумуляции поэтических образов и эпитетов. Любопытно, что идею троичности Бога Постников иллюстрирует следующим образом: **въ глєслѣ три присѣтствовати видатса, хѣдѡжество, десница, стрѣна. ѡбачеже ѣдинъ слышитса звѣкъ. хѣдѡжество повѣдѣетъ, десница прикасѣетса, стрѣна звѣнитъ и со стрѣною подобнѣ содѣловаютса**, образ, не характерный для цслав. гомилической литературы.

В языковом отношении Слово характеризуется высоким риторическим стилем цслав. языка, продолжающим традиции "еллино-славянских" стилей книжного языка второй половины XVII века.

Ср. многочисленные инвертированные обороты; падежно-предложные конструкции с *еже* + глагольные формы (*во еже во испытаниих и прениих не сражались; во еже небо даст обитати человечеству; ко еже просветити чувства наша*) ; употребление родительного восклицания (*О благоутробия!*; впрочем, ср. здесь же восклицание в им.пад.: *О благоутробие! О милосердие!*) и т.п. Иначе говоря, соблюдается тот "грамматический чин", который сложился в результате искусственной регламентации цслав. языка по позднейшим памятникам русской и украинской редакции, закрепленной в нормах, которые были кодифицированы "Славенской грамматикой" Мелетия Смотрицкого.

Важно отметить, что в конце XVII – начале XVIII века указанные нормы начали подвергаться пересмотру. Морфолого-синтаксические и семантико-стилистические дублетные формы и конструкции цслав. языка начинают оцениваться с точки зрения их близости к коммуникационным моделям, а не по степени их древности или привязанности к каноническим церковным текстам. Отсюда кодификация цслав. языка нового типа приобретает отчетливо выраженный прагматический характер. Архаические элементы цслав. языка, активно (и часто, единственно) используемые в цслав. языке пассивной (воспроизводящей) рецепции, т.е. в текстах Св. Писания, могут получать отрицательную стилистическую характеристику как ненужный балласт, осложняющий и затрудняющий использование цслав. языка в качестве языка активной (производящей) рецепции. Так, в 1736 г. Феофан Прокопович замечал по поводу цслав. языка: "ветхое Славенскаго языка грамматическое учение есть грубое, как в наречиях многих, так и в складе речей. Наречия обретаются

обветшалыя, которые давно уже изнасились и стали онучами, да и чтуши неудоборазуменныя, например: елма, колма, врѣсноту, убо, непщую, потщаваю, плищъ, щуди, голимый и проч., а склады бывають стропотныя, наипаче эллинизмы, то есть наречия не по природе Славенскаго, но по природе Эллинскаго языка сопрягаемыя например: ... прїиде во еже освятити, а для чего бы не тако: прїиде освятити, а во еже лишнее и темность наводит; надѣюся быти прощенію, а не лучше ли: надѣюся, яко будетъ прощеніе, и проч." (цит. по: ОДДС III, прилож., стлбб. XXV-XXVI). И Слово, и более поздние труды Постникова – его переводы – характеризуются привязанностью к уходящим, все менее и менее употребляемым нормам цслав. языка. Эта привязанность к прошлому, трагическая для человека новаго Петровскаго времени, не она ли явилась причиной его забвения?

БИБЛИОГРАФІЯ

Белокуров, С.А., Зерцалов, А.Н.: 1907, 'О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1700–1715 гг.)', Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских, ч. 1, отд. I, стр. I-XI, 1-244.

Вычков, А.Ф.: 1882, Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. 1, Санктпетербург.

Вычков, И.А.: 1911, 'Новые материалы для биографии первого русского доктора П.В.Постникова: (Письма его к Петру Великому за 1695 и 1696 гг.)', Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских, кн. 4, смесь, стр. 41–51.

Горский, А.А., Невоструев, К.И.: II(3), Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. II, ч. 3, Москва, 1862.

Забелин, И.Е.: 1886, 'Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки', Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских, кн. 4, отд. I, стр. 1-24.

Забелин, И.Е.: 1905, История города Москвы, Москва.

Ключевский, В.О.: 1958, Сочинения. Курс русской истории, т. 4, ч. 4, Москва.

Куприянов, Н.: 1872, История медицины России в царствование Петра Великого, Санктпетербург.

Лебедева, И.Н.: 1973, Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. V. Греческие рукописи, Ленинград.

ОДДС III - Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода, т. III (1723 г.) СПб., 1878.

Пекарский, П.П.: I-II, Наука и литература в России при Петре Великом, Санктпетербург, 1862.

Сменцовский, М.Н.: 1899, Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков, Санктпетербург.

Смирнов, С.П.: 1855, История Московской Славяно-греко-латинской академии, Москва.

Строев, П.: 1829, Описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф.А.Толстого, Москва.

Токмаков, И.Ф.: 1885, 'Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей', Библиограф, № 4, стр. 71-79, Санктпетербург.

Трохачев, С.Ю.: 1988, 'Греческо-русские рукописные грамматики XVII-XVIII вв. в России', Литература Древней Руси. Источниковедение, Ленинград, стр. 207-212.

Хотеев, П.И.: 1986, 'Французская книга в Библиотеке Петербургской Академии наук (1714-1742 гг.)', Французская книга в России в XVIII в., Ленинград, стр. 5-58.

Цветаев, Д.В.: 1896, Медики в Московской России и первый русский доктор, Варшава.

Шмурло, Е.Ф.: 1894, П.В.Постников. Несколько данных для его биографии, Юрьев.

Яламас, Д.А.: 1991, Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

Петр Постников

Слѡво ¹¹ на рждѣтво
 гда нашего Гйса хрѣта.
 Ко блженнѣшемъ и стѣишему курь їоакимѣ
 москѡвскомѣ и всеѣ рѡссіи и всѣхъ
 сѣверныхъ странъ патріархѣ.

Во ѡстроумнѣшемъ ѡномъ,¹² и преслѣвномъ во крѣзѣ земномъ
 и зѣщества ради вѣдѣній [блженнѣишій, и стѣишій курь їоакимѣ
 москѡвскій и всеѣ рѡссіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарше] во
 ѡстроумнѣшемъ глѣю ѡномъ и преслѣвномъ во земномъ крѣзѣ
 и зѣщества ради вѣдѣній піфагора філософа, оучилищи изъвлѣшеса
 патилѣтнее молчаніе слышатель¹¹, во ѣже во испытаніихъ и
 прѣніихъ нѣ сражѣлиса, ниже нѣ и спытны¹² призываніемъ, но
 цѣломудреннѣи и ѡспаснѣи молчаніемъ премѣрость оуловѣли.

¹¹ "Слово", написанное полууставом XVII в., читается в Сборнике, составленном из 19 разных рукописей, в 4°, лл. 156–160. Описание рукописи см.: Бычков 1882, 350–365, особенно см. стр. 354.

¹² К этому ср. начало письма Постникова к Петру I от 18 октября 1695 г.: "Непобѣдимѣйшій монарха, присноавгустѣйшій востока и всея сѣверныя страны повелителю и государю мой премилостивѣйшій. Остроумнѣйшій оный во всѣхъ философовъ андирійскій Димокритъ, бесѣдуя съ учителемъ нашея школы врачевскія Иппократомъ древле подъ древомъ платономъ [т.е. платаном – Н.З., О.С.] о богатой и всѣхъ доволнѣ кормителницѣ натурѣ, сичевая произносѣше словеса..." (цит. по: Бычков 1911, 44).

Такожде по истиннѣ и в' сїи днѣ мнѣ слѣчїтиса помышлѣю. понѣже пать нѣша чѣвства ¹³ прѣжде пришѣствїа истиннагѡ свѣта тѣмны и тлѣмны бѣша. В' толикіа же великихъ волнахъ тлѣнїи самыи корабль нашегѡ рѣзѣма кѡ бжїю познѣнїю здравъ сіесть пристѣнїцѣ поставити нѣ возмѡжнѡ бѣ. Но и сїє вѣщше тогда оумолчевѣти, нѣжели проповѣдати намъ подобаше. да нѣ все ѣма бжїе прѣжде пришѣствїа егѡ просвѣщающагѡ насъ возвышѣли бы.

Но сѣ врема онагѡ молчѣнїа скончѣса. Сѣми же аггли радости исполненни восклицѣютъ, Слѣва в' вышнихъ бгѣ и на землїи мирѣ.¹⁴ Чесѡ оубѡ ради да молчїмъ; прїидїте, прїидїте со мною, да прїидемъ до вифлѣма и вїдїмъ и возопїемъ совершившѣса времени молчѣнїа, ѣкѡ прїиде хртѡс' спсїтель міра кѡ ѣже просвѣтити чѣвства нѣша. прїиде ядама и еубѣ во свѡбождѣнїе привести, прїиде вѣлїи с' нѣси врачъ немощ'ствѣющемѣ члѣческомѣ рѡдѣ здравїе дарѡвати. прїиде согрѣшающихъ испрѣвити, немощ'ствѣующимъ помощи, борющихъса¹⁵ со врагїи ѿ козней илї навѣтѡ защитїти.

Родїса хртѡсѣ в' пещѣрѣ, да слѣдость преподѣстъ члѣствѣ, ѣже во градѣ презрѣннѡ родїса во ѣже нѣбо дѣстъ ѡбїтѣти члѣствѣ. ѡ вѣлїагѡ и несравнїтелнагѡ блгѡвтрѡбїа! Блгѡвтрѡбїе негли рекѣ и крайнѣишѣю к' члѣческомѣ рѡдѣ бжїю любовѣ.

Сѣ на конѣцъ всѣхъ и волсвїи с' востѡка прїидѡша поклонїтиса емѣ. Но кѡе вѣсѣ ѣматъ подвижанїе пресвѣтлѣишїа волсвїи; Кѡе

¹³ 156 v.

¹⁴ Ср.: Лк. 2:14 (здесь и ниже подчеркнуто нами - Н.З., О.В.).

¹⁵ 157 г.

блгоговѣніе вась подви́заетъ; е́да нѣкое бжтвенное вдохновѣніе, молю ѿвѣщайте, каа вина к семѣ пресвѣтломѣ дѣлѣ вась пощаетъ; кое разжѣніе вась запалаетъ; оуслышите, что ѿвѣщаютъ, что зїаннаа ѡнаа премрости ѡста глю, кїа глы с радостїю ѡзливаютъ.

Видѣхомъ звѣзды [глютъ] егѡ на востоцѣ и поклонїтиса емѣ прїидѡхомъ.¹⁶ Но шествіе ѡныа ѿ насъ¹⁷ видѣнныа звѣзды нѣ есть по астрологской надѣкѣ, ниже ѿ прочыхъ звѣздъ естества есть, понеже, ꙗкѡ Аристотель философъ глетъ в четвѣртомъ егѡ метафизическихъ во главѣ ѱ сїце, нѣжда есть и сїхъ всакомѣ ѿ приношенїи ѿ неподвїзателнаго подви́затиса ѿ себѣ вѣчномѣ сѡщѣ естества, понеже и естество звѣздное сѡщество нѣкое сѡщее вѣчное и подви́заетъ вѣчное и первѣе подви́заетъ, и первое сѡщества сѡществѣ по нѣждѣ и гда гден рождѣнна быти познахомъ.

Градїте ѡбѡ, градїте пресвѣтлѣнїа со звѣздою до видѣсїа, и оузрите, [ꙗкѡ ѡже вѡщше познаете,] мѡжа во ѡтрочати, цѣра в рабѣ, премѣра во ѡтрочищи, и поклонїтиса блистанїю тѣмностїи помраченномѣ, крѣпости оузы свѡзаннѣи, мѡжества с нѣмошїю соединѣнномѣ, и оудивїтиса видѡще сѣдѡща превѣше херѡвїмѡвъ, къ нечѡвственнѣи приклоненнаго¹⁸ живѡтнымъ, родївшася ѿ оца превѣчнаго, днѣсь во врѣмени ѿ присноблженнаа рождѣнна двы мрїи, своїмъ всесїлїемъ мїръ создѡвшаго, посредѣ безсловѣсныхъ

¹⁶ Ср.: Мф. 2:2.

¹⁷ 157 v.

¹⁸ 158 г.

лежѧщагѡ, на крилѣхъ вѣтрѣннѣи ходѧщагѡ,¹⁹ растлѧннѣ въ пещерѣхъ скѡтскѡи лежѧщагѡ, блистѧнїемъ бжтѡва своегѡ сѧмымъ аггелѡмъ ѡчесѧ замрачѧющагѡ, нѣтъ члѣскимѣи ѡчесѣи зрїма, на нѣсѣхъ живѧща, возлежѧщагѡ на травѣ, на послѣдокъ всю тѡварь питѧющѧ, воспитѧемагѡ млнчскимъ ѡбразѡмъ.

И сѣ прїидѡша и вшѣдше въ вертегъ вифлѣемскїи, и ѡверзше сокровища своѧ принесоша ѣмѡ златѡ, лубѧнъ, и смѣрнѣхъ.²⁰ Чтѡ подобѧтельшѣе ѡ сїхъ дарѡвѣхъ к' рожтѡвѣ хртѡвѣ; Сїми бѡ въсѣми ѡбнѡ сотворїша хртѡво рѡдѣствѡ кѡпнѡ сѡ члѣствомъ во ѣдїнои ѡпостѧси. ѡ колїкѡю тогда радѡсть прїѧша волсѡи, ѣгда сѧмыми своїственными видѣша ѡчесѣи создѧтеля своегѡ. К' сїмъ и аггелъ пѧстыремъ изгнѡи всемирнѣю радѡсть глѧи,²¹ сѣ бгѡвѣствѣю бѧмъ радѡсть вѣлїю ѡже бѣдетъ всѣмъ людемъ, ѡкѡ родїса бѧмъ днѣсь спсѣ, ѡже ѣсть хртѡсь гдѣ, въ градѣ дѡдовѣ. И сѣ бѧ знаменїе. ѡбращѣте млнца пелѣнами повїта, лежѧща въ ѡслѣхѣхъ.²² И сѣ ѡбрѣтоша спсїтеля мїра и велии возрадѡвашасѧ, и чѣдѧщесѧ въ себѣ глѧхѣ: чтѡ ѣсть сѣ, ѡкѡ гдѣ и нѣ бгѡдарственнагѡ смирїса; ѡ бгѡтробїе! ѡ мрдїе! превосхѡдитъ же члѣскїѧ сїлы и разѡмъ, ѡнѡдѣже ѡдивлѧсѧ молчѧнїемъ, почитѧю ѣгѡ ржтѡ.

Сѣи дѣнь ѣ радѡсть, ѡкѡ насъ ради родїса хстѣ. Сѣи днѣ патрїарси, и пррѡци желѧхѣ ѡчесѣи своїми видѣти. ѡ глѡбѡчѧишѣе

¹⁹ Ср.: Пс. 103:3; ср. также Пс. 17:11.

²⁰ Ср.: Мф. 2:11.

²¹ 158 v.

²² Ср.: Лк. 2:10-12.

таинство! ѿ высочайшее и неизланные бжїе мѣрдїе! ѿ сицевомъ глѣбочайшемъ таинствѣ взыскаль бы некто: Оцъ, Снъ, и Сѣи дхъ три свѣ лица, но во единомъ токмо свществе ²³ снъ воплотиса.

Чесѡ ради не глѣши и оца, и сѣаго дха; Разрѣши миѣ, молю, сїе недоумѣнїе. Но чрезъ кое подобїе сїце возможемъ ѡвѣщати и недоумѣнїе сегѡ разрѣшити; въ глѣсѣ три присутствовати видатса, хвдѡжество, десница, стрѣна. ѡбачеже едины слышитса звѣкъ. хвдѡжество повѣдуетъ, десница прикасаѣтса, стрѣна звѣнитъ и со стрѣною подобнѣ содѣловаютса. сицевымъ образомъ ниже оцъ, ниже сѣи дхъ воспрїавше плѡть, ѡбачеже сѣ сыномъ содѣ^{ло?}ваютъ, едина стрѣна звацанїе ѡбїаѣтъ. плѡть едины хртосъ воспрїаѣтъ ко единой стрѣнѣ звѣка возношенїе. тѣмже подобнѣ образомъ ко единому хртѣ належитъ плѡти члѣскїа воспрїатїе. посемѣ оубѡ согласнѣ хртосъ ѿкоже снъ бжїи родиса кромѣ всѣакогѡ личнаго снѣшенїа.

Возрадѡемса оубѡ вси хртїане, на бо ради родиса хртосъ. Изгѣбївшемѣса бисерѣ и ѡбрѣтшемѣса коликѣ ²⁴ некто радость сотворилъ бы; Колѣми паче изгѣбївшемса ѡ насъ блгодати бжїеи грѣха ради первороднагѡ, и ѡбрѣтшемса днесъ чрезъ ржтво хрта сна бжїа веселїтса намъ подобаѣтъ. да возвеселїмса и да возвеличимъ ѿма гднѣ, ѿже толикое за насъ грѣшныхъ прощенїе принесѣ.

²³ 159 г.

²⁴ 159 v.

ПѢДЪ ВОЗРАДОВАШЕСА СѦ ВСѢМЪ ІИЛѢ ꙗкоже писано єсть в' бжтвенномъ писаніи, **почитаа кіѡтъ гднъ, прообразителѣ же ѡньи** **почитахъ ѡ хвалахъ гда** **чрезъ кіѡтъ завѣта.**²⁵ Мы же самаго сѣна бжга рожденна во плоти видѣвше восхвалáемъ, почитáемъ ѡ величáемъ.

Праздникъ ѡ торжество ѡбщаго спсєніа члчєскаго рода єсть днєсь. ѡноудъ же ѡ понєже оубо нє рѣки блжєства твоего рождєса днєсь хртосъ. положи дши сєго великаго ѡ блгочтїваго цртвїа ради воспоминанїа спсєніа єго. праздновати подобаєт мєждъ собѡю пáстырь ради пáстыр'ства, ѡ пáстырство ради ²⁶ ѡ радости пáстыря.

Наилáче же видимъ, ꙗкѡ посредѣ во ѡныхъ дарованїяхъ, ꙗже бжтвенное бжїє прєзрєніє даровà блжен'ствѣ твоемѣ ѡ сїє, в' сїхъ днєхъ приложи дáрѣа по стѣа твоа ноги врагѡвъ ѡ ѡстѣпникѡвъ стѣа хртѡвы востѡчна цркѣе, **разорáа силѣ ѡхъ ꙗкѡ вѡскъ ѡ лица ѡгна.**²⁷

Но кáкѡ нє воспрїáлъ бѡ всє взыскѣемое ѡ бога, оудившѣ ти бгѣ многими ѡ различными ѡбразы, постѡмъ, бдѣніє[^], млтвою, слєзáми, трѣждáиса ѡ бдáи ѡ дшáхъ блгочтїваго твоего пáстырства. Сѣтъ ѡ инаа многоа добродѣтели блжен'ства твоего, ꙗже дà нє досаждъ смиренномѣ стѣа твоа дши, оумолчєвáю. Крѡтость глѡ ꙗкѡ дѣда, любовь прємрѡсти ꙗкоже Соломонá, терпєніє ꙗкоже їѡва, страннопрїимство ꙗкѡ Авраáма, сїхъ ради

²⁵ Аллюзия на 2 Цар. 6:12-17.

²⁶ 160 г.

²⁷ Ср.: Пс. 67:3.

Збѣ твоихъ добродѣтели спаслъ еси и спасеши всегда сѣи вѣлиіи
 корабль, сіестъ пространнѣшее и бл҃гочтивѣшее ²⁸ московское цѣтво ѿ
 потопленіа развращеніи, содержаи егò на брѣзѣ православіа.

Иже прослави, прославляетъ и всегда воспрославитъ
 рождающа насъ ради гда нѣ и прѣ и во вѣки вѣкѡвъ. ѿмиѣ.

Блженства твоегò
 послѣднѣшїи рабъ,
 нò вѣрнѣшїи
 и оусерднѣшїи
 пер ꙗкошниковъ
 рече.

²⁸ 160 v.